

АЛЕКСАНДР III

Письма императрице Марии Федоровне. <1891–1892 годы>

№ 1

Гатчина. 26 мая 1891 г. Воскресенье.

Моя милая душка Минни!

Жду с нетерпением твоего первого письма, но не знаю, когда получу его. Скучно и пусто без тебя здесь и весь день как-то иначе, все не то; отвратительно оставаться одному и опять быть в разлуке с тобой, милая душка Минни. Комнаты Ксении¹ тоже наводят на меня тоску, каждый день прохожу по ним к Мише и Ольге², и так все пусто и безмолвно; несмотря на то, что у меня теперь больше свободного времени, я не могу покончить с массой бумаг и чтения и ложусь спать почти всегда в $\frac{1}{2}4$, часто с чудным восходом солнца прямо в мои комнаты. Кроме бумаг и дел я не успеваю прочесть решительно ничего, и даже мой «Кронштадтский вестник»³ остается нечитанным, и набирается по 3 и 4 номера. Журжи⁴, я думаю, счастливее меня и успевает все прочесть.

Доклады министров тоже длиннее обыкновенных, и часто только $\frac{1}{2}2$ успеваю садиться за завтрак. Мы обедаем и завтракаем в нашей маленькой столовой, а потом курим и болтаем немного в твоей маленькой комнате. Завтракаем с Alix⁵ и детьми, а к обеду приглашаю княжну Лобанову (Фафка)⁶, Черевина⁷, и был на днях Шереметев (дежурный)⁸, а вчера Николай Михайлович⁹.

Сегодня были у обедни с Alix, Павлом¹⁰ и детьми и завтракали одни. К обеду приехали Владимир¹¹ и Алексей¹², который остался ночевать. Вчера ходили с Alix и детьми на Егерскую слободу и показали ей все, в особенности она была довольна всеми дикими зверями; тоже смотрели всех 17 собак, подаренных князем Ширинским-Шихматовым; есть очень хорошие и милые, но лают страшно и такой шум, что нельзя говорить, ничего не слышно.

Что за погода стоит у нас вот уже 5 дней; холод страшный, днем всего 5–7 градусов, а ночью 1–2 градуса. Был и снег, и град, и дождь, солнце мало показывается, а если и есть, то не греет; всего 10–11 градусов. Это, впрочем, очень хорошо, потому что к вашему приезду, наверное, будет чудная погода, а вся гадость пройдет теперь.

Сегодня с утра получил я твою телеграмму, и [мы] совершенно сошлись в мыслях; я именно утром еще думал о грустном сегодняшнем дне, который только раз был радостный и счастливый, и ты именно то же самое мне пишешь. Да, это рана, которая во всю нашу жизнь вылечивается и с каждым годом более и более раскрывается и ноет! Да, когда подумаешь, что нашему ангелу Александру¹³ было бы теперь уже 22 года, когда подумаешь, что все три старших мальчика были бы вместе, почти одних лет, и никогда его больше не видеть с нами в сей жизни, просто душа разрывается от отчаяния и грусти! Но и за то как не благодарить Господа, что Он его младенцем взял к себе обратно, т. е. прямо в рай, где, конечно, он молится за нас и вместе с тем нашим ангелом-хранителем. Все же грустно и тяжело! Да будет воля Твоя, Господи!

27 мая. Понедельник.

Сегодня получил я твое милейшее и длинное письмо из Ливадии, за которое благодарю от всей души; оно мне доставило огромное удовольствие, наконец, услышать от тебя новости после 7 дней нашей разлуки в Москве. Я так рад, что ты подробно все описываешь, и так все меня интересует. Да, мне страшно жаль, что я не с вами в Ливадии, не мог разделить с тобой радость и счастья свидания с Жоржи!

Я вполне понимаю и разделяю все, что ты испытываешь на месте крушения в Борках¹⁴ и как это место должно быть нам всем дорого и памятно. Надеюсь, когда-нибудь нам удастся всем вместе со всеми детьми побывать там и еще раз возблагодарить Господа за чудесное счастье и что Он нас всех сохранил.

Благодарю тоже очень за телеграммы, которые я жду с нетерпением каждый день и радуюсь за вас, что вы наслаждаетесь милой нашей Ливадией. Я очень рад, что Жоржи живет в моих комнатах, которые так уютны и я их очень люблю, да и воспоминания хорошие и счастливые. Отчего вы не ездите верхом, это было твое любимое занятие в Крыму? Ксения, я уверен, в отчаянии, что не может ездить, но Жоржи, я думаю, неособенно сожалеет.

Миша часто ездит верхом и очень радуется. Мы гуляем каждый день с Alix и детьми, но она уходит работать домой, а мы с детьми продолжаем. На этой неделе я показывал Alix нашу охоту, всех собак, конюшни и зверей, которые в особенности ее забавляли: волки, лисицы и медвежата, но уж довольно злые, есть много маленьких лисиц, прелесть какие миленькие.

Погода до того отвратительная и так холодно, что мы Гатчиной вовсе не наслаждаемся, и мне кажется все, что это уже осень, а на весну вовсе не похоже, да и парк вовсе не прельщает; ничего не цветет, все остановилось, весеннего запаха вовсе нет, просто отчаяние. Бедные ласточки так мерзнут, что сидят целыми кучами на одной ветке, плотно прижавшись друг к другу, чтобы хоть этим немного согреться, но, к счастью, мертвых нет и все до сих пор летают, хотя очень низко. Сегодня, наконец, слава Богу, немного теплее, и днем было до 11 градусов и солнце грело.

Какой страшно печальный случай в Петергофе с бедными де-Рибас, Перелешиним и 2 матросами. Двое матросов, которых спасли, говорили, что Перелешин успел снять сюртук и плыл, но пропал, а бедный де-Рибас держался с ним долго за лодку, и уже вельбот с лодки «Щит» подходил к ним, когда вдруг он бросил лодку и исчез под воду, выбившись из сил. К сожалению, их опрокинуло далеко от лодки «Щит», около версты, а от пристани было еще дальше. У де-Рибас осталась вдова с 3 маленькими детьми. Перелешин не был женат.

Теперь пора кончать, уже 2½ часа ночи. Еще раз от всей души благодарю за милейшее письмо. Сердечный поклон дяде Мише¹⁵, целую крепко Жоржи и Ксению.

Крепко и от всего сердца обнимаю тебя, моя милая душка Минни. Христос с вами, мои дорогие!

Твой верный друг навсегда

Саша.

№ 2

Коттедж. 1 июня 1891 г. Суббота.

Моя милая душка Минни!

Сегодня уже 9 лет, что в этом милом и дорогом Коттедже¹⁶ родилась наша душка Ольга. Благодарю Господа от всей души за это счастье и радость, которое было первым после ужасного события 1 марта! Беби была так довольна своим днем и счастлива бесконечно; просто радость смотреть, как дети довольны такими простыми и наивными удовольствиями.

Игрушки составляли главную радость дня, а потом ее гости: сын Юрия¹⁷, дочь Шереметева, а у Маши Сережа Шереметев, и они возились весь день. Тоже привезли младшего сына Юрия; он замечательно поправился и похорошел, и беби ужасно нравится, и она сердится, когда говорят, что он урод: Oh! no his is such a nice baby!¹⁸

В 12½ мы поехали в церковь к молебну, были все наши и семейства, живущие в Петергофе. После молебна я смотрел казаков кубанцев и терцев — прибывших в конвой; прежних очень мало, но новые отличный народ и рослый. Из офицеров прибыли вновь командир Терской сотни Федюшкин, офицер Золотарев, командир Кубанской

сотни Денежников и офицеры Бабич, Скакун, Перепеловский (новый). Казаков всего прибыло 154 человека.

Потом мы завтракали. Были: Аліх, Ежени¹⁹, Алек²⁰, Юрий, Стана²¹ Елена с мужем²², Рихтер²³, Миша, беби и сын Юрия. Покурили, поболтали и разошлись, а я занимался и отвечал на телеграммы, потом гулял один 2 часа и все время накрапывал дождь. К обеду приехал Павел из Красного Села и остается до завтрака.

2 июня. Воскресение.

Сегодня были у обедни в нашей милой церкви. Завтракали с Павлом, Аліх, Юрием и детьми. Гулял один, так как у детей были их товарищи, они возились на сетке и на качелях. Ясная, хорошая погода, но холодно, всего 10 градусов и сильный ветер. Обедали: Алексей, Павел, Аліх, княгиня Лобанова, Черевин и Философов²⁴. Алексей приехал только для завтрашнего доклада.

Аліх рисует чудные цветы; в Гатчине мы выбирали с ней в оранжереях различных цветов и форм орхидеи, и она очень удачно сделала их, а здесь еще разные другие цветы; все это будет тебе показано по приезду. Фазаны гуляют целый день перед домом, и петухи часто дерутся; очень смешно. Есть чудные новые фазаны, с очень красивыми перьями и красной головой и ушами. Птиц вообще масса.

Какой скандал этот процесс в Лондоне из-за карточной игры в бакара и, с позволения сказать, этот глупый Берти, который тоже замешан в этой грязи²⁵. К чему он сунулся в суд, оставался бы в стороне, подумал ли он, как приятно должно было быть бедной Аліх и детям, что отец их, наследник престола, и замешан в эту мерзость! Подробности процесса возмутительны. Нет, слава Богу, подобные истории могут быть только в Англии, чтобы замешаны были наследник и высшее общество Лондона! Бедная Аліх²⁶, через что она только не проходит благодаря ее безмозглому и развращенному мужу! Ей-богу противно. Но довольно об этой гадости.

Я очень рад, что ваша поездка на Ай-Петри удалась и что погода была хороша; страшно сожалею, что не был с вами.

Продолжаю мое письмо. Утро было отличное; тихо, ясно и 15 градусов в тени; гулял и наслаждался. Потом доклад Алексея, Островского, графа Протасова-Бахметева²⁷ и Победоносцева²⁸, который за завтраком смешил нас страшно новыми историями о тете Кате²⁹. Аліх помирала со смеху и очень удивлена была, когда Победоносцев просто называл Тинхен³⁰, а не говорил «принцесса», и всякий раз по-английски спрашивала меня, зачем он называет ее просто Тинхен. Алексей, в свою очередь, рассказывал тоже истории невозможные, и Аліх смеялась до слез. Погода к завтраку испортилась и часто шел дождь. Мы даже-таки гуляли с детьми и работали на речке у моря.

Сегодня вернулась из плавания милая «Царевна» и встала на свое обычное место. Фредерикса³¹ я еще не видел; завтра он будет ко мне. К обеду, кроме Алих, пригласили княгиню Лобанову, Шереметева, Елену, Черевина и Озерова (дежурный)³². Вечером Алих поехала к Ежени, которая пригласила ее когда ей угодно приезжать вечером, но Алих предпочитает оставаться дома и весьма нехотя отправилась к Ежени. Вообще Алих не скучает, хотя, конечно, Павла ей страшно недостает, но она очень довольна оставаться дома одна и распорядиться своим днем как хочется и занимается постоянно чтением и рисованием. Очень неохотно принимает приглашения к Юрию, Ежени или Елене и сердится, когда они воображают, что ей скучно и надо ее увеселять.

Сегодня узнал о смерти нашего друга каноника Жмудовского, он умер от удара. Жаль его, старика, его будет не хватать нам в Спале³³.

На фрегате «Минин» инфлюэнца уменьшается; самое большое число больных было до 108 человек, и по 15 человек заболевает в сутки. Из офицеров было больных всего 6 человек.

Сегодня получил я от харьковского фотографа две фотографии на стекле вашего приезда в Борки, и одна очень удачна, а на другой глупая фигура Ширинкина³⁴ на первом плане испортила все.

Сирень и ландыши до сих пор окончательно не распустились — это курьезно. Вообще же зелень и трава в нынешнем году гораздо лучше прошлого года.

Ворон окончательно рамоли; влюбился в собачку Алих Бут и целый день бегаёт, суетится и плачет!

Я полагаю послать еще одного фельдъегеря в пятницу или субботу и надеюсь, что он будет последний. Становится очень грустно без тебя, моя милая душка Минни, и пора вам вернуться домой. Так хочется скорей увидеть и обнять наконец дорогого Жоржи, которого вместе с Ксенией крепко целую. Тоже Ольгу, Минерле³⁵ и дядю Мишу.

Обнимаю тебя, моя собственная милая душка Минни, от всего сердца. До свидания.

Христос с вами, мои дорогие!

Навсегда твой верный друг

Саша.

№ 3

Гатчина. 23 февраля 1892 г. Четверг.

Моя милая душка Минни!

Наконец получил твое письмо из Абас-Тумана³⁶. Я ждал его с большим нетерпением и страшно благодарю за него; такое длинное и интересное и оно доставило мне огромное удовольствие. Я вижу, что путешествие было довольно утомительно в колясках и сидеть так

долго очень скучно, а в особенности еще в скверную погоду и холод, но теперь зато ты наслаждаешься с милым Жоржи хорошей погодой, а в особенности спокойной жизнью и чудесным горным воздухом. Мы не можем жаловаться на погоду; вообще было тепло, ясно и тихо; были и дожди, но теплые и очень полезные для зелени, которая начинает показываться: трава зеленеет и появились разные цветы.

В твоих комнатах все устроено как будто ты здесь; масса цветов и чудесных роз. На грядках перед нашими окнами все покрыто крокусами, что очень мило, но утки решили, что это совершенно излишнее украшение, вырывают из земли и съедают, несмотря на энергичное сопротивление городского, который их отгоняет. Миша в восторге от своей новой собаки, назвал ее Шуйка, так как ее старое имя Окшей ему не нравится; она гуляет всегда с нами, послушна, спокойна и так привыкла к Мише, что от него не отходит; спит всегда с ним в спальне под столом на матрасе из ковра.

Был три раза ночью на озере, но рыбы еще мало, ночи холодноватые, и я возвращался домой уже в 1¼ и занимался. Сегодня приехали ко мне обедать Владимир и Михень³⁷, я пригласил еще Кутузова, Озерова и Бенкендорфа (дежурного)³⁸. Черевин, как и Ники³⁹, пропадает в Петербурге и здесь бывает редко. Жена и дети Кутузова приехали вчера из Берлина.

25 апреля. Суббота.

Вчера не успел писать, так как были на охоте с Ники с ½4 вечера до 5 часов утра. Охота неудачная, каналы-глухари не хотели петь, я ранил одного, он упал, но отыскать не могли; то же самое и Ники, но он стрелял по двум и, как всегда, ничего не убил; ему не везет на глухарей, до сих пор ни одного глухаря еще ни разу не убивал. Погода тоже была неприятная, серая, и моросил дождь почти все время.

Ники явился вчера утром, пропадая в Петербурге 4 дня, и был тоже в Царском Селе у гусар на карусели. Вечером был дежурным Георгий Михайлович⁴⁰, но я его видел только за завтраком и так как не обедали и уехали на охоту, то отпустил его в Петербург. Сегодня дежурным Митя⁴¹, завтракал, пил чай и обедал у нас, а вечером был у Ники. Читал письмо Ксении к Ники, видно, как она довольна, счастлива и в восхищении от дороги, Кавказа и всего виденного. Завтра рождение нашего милого Жоржи, как грустно проводить этот день без него уже второй год, а теперь еще и без тебя, милая душка Минни, тоже и 29 апреля, после этого страшного кошмара в прошлом году⁴². Так грустно, что мы не вместе проводили эту годовщину и не вместе можем горячо благодарить Господа за все Его милости к нам и за спасение нашего дорогого Ники.

Я постараюсь написать еще одно письмо или в Харьков или в Москву. С нетерпением ожидаю вашего возвращения; слишком грустно

и пусто в доме и не люблю я расставаться с тобою, душка Минни, хотя и на короткое время!

Обнимаю тебя от всей души и крепко целую вместе с Ксенией. Всем спутникам мой поклон. Счастливой дороги и до скорого свидания.

Христос с вами, мои дорогие.

Твой верный друг

Саша.

№ 4

Зимний дворец. С.-Петербург. 11 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Как скверно было вчера, простившись с тобой, вернуться в твои комнаты в Гатчине, как пусто и разом все изменилось. Мы еще пошли с детьми гулять и работали на террасе, а Ники катался по озеру на байдарке к великому отчаянию Ворона, который не знал, что делать и куда бежать. Пили чай в 5½ с Ники вдвоем у меня в кабинете. Обедали Черевин и Котя Оболенский⁴³. Вечер я провел у себя, занимаясь.

10 апреля поехали с Ники поздравить Владимира и был семейный завтрак. Прием и большой завтрак были отказаны по случаю кончины бабушки Михень; она была очень опечалена этой смертью и со слезами на глазах говорила о ней.

В ½2 был смотр новобранцам в манеже, потому что неособенно тепло: всего 6 градусов и сырой туман. В ¾4 я вернулся домой, т. е. в Зимний дворец и занимался, а Ники отправился похлыщить в коляске. В 5 часов пили чай с Ники и Сергеем Михайловичем (дежурный)⁴⁴, а потом приехал еще Сандро⁴⁵, и они втроем отправились осматривать военную картинную галерею Зимнего дворца. В 8 часов мы обедали с Ники у Шереметевых с Николаем Михайловичем⁴⁶ и Куропаткиным⁴⁷, было очень хорошо. В 10 часов я вернулся домой заниматься, а Ники отправился с Сандро в оперу «Фауст» с Фигнер⁴⁸, но, видно, еще куда-нибудь поехали, так как теперь ½2 и его еще дома нет!

Получил телеграмму от Сергея⁴⁹ из Москвы о твоём проезде и от Фридриха⁵⁰ из Канны о кончине его бабушки. Сегодня же получили известие о внезапной кончине бедного Фредерикса⁵¹ в Штутгарте от разрыва сердца, бедная жена и дети!

Нева начинает вскрываться, и местами совершенно чисто; Троицкий мост уже разведен, а между Дворцовым и Николаевским мостами лед почти весь прошел, а впереди Зимнего дворца все еще стоит.

Сегодня 11 числа утром были доклады и приехал Бунге, замечательно поправился и не слаб. Завтракал с графом Шереметевым и Кутузовым⁵² втроем, Ники поехал раньше в Аничков в свой комитет⁵³. В 2 часа

я пошел в залы на смотр карт Военного и Морского министерства; это продолжалось более 2 часов. Потом осматривал коллекцию Ники, привезенную из путешествия, 8 комнат набиты вентами, и есть весьма хорошие и интересные. Оттуда отправился с Кутузовым, Сперанским⁵⁴ и Аничковым⁵⁵ по сервизным кладовым; серебро, фарфор, бронза и пр., были тоже на большой кухне, в пекарне, в кондитерской и пр. Вернулся домой только в $\frac{3}{4}$ 6 и пил чай с Ники. Погода отвратительная, утром только 2 градуса, туман и мокрый снег, а потом весь день дождь и темнота, просто уныние наводит, чистый сплин!

Закуска в 8 часов вдвоем с Ники. В 9 часов он уехал с Михайловичами в цирк, а оттуда к Воронцовым⁵⁶. Я занимался, а теперь $\frac{1}{4}$ 2 — пишу тебе, моя душка Минни, и вспоминаю именно эти ужасные и печальные часы 27 лет тому назад в Ницце!⁵⁷ Боже, сколько времени прошло, а воспоминания столь же свежи и грусть все та же. Что за перемена произошла во всей моей жизни в эти часы, и какая страшная ответственность разом свалилась на мои плечи, и вместе с тем решалась дальнейшая моя судьба и счастье всей моей семейной жизни.

Как мне странно жить теперь снова в Зимнем дворце, из которого я выехал 25 лет тому назад, проживши в нем со дня моего рождения 21 год до самой нашей свадьбы! Спальню я себе устроил в маленькой угловой комнате, там уютно и хорошо. Ники живет в твоих комнатах и спит в твоей уборной; Ворон тоже здесь и страшно не в духе.

Вот пока и все, завтра снова буду писать. Крепко от всей души обнимаю тебя, моя милая душка Минни, и целую Жоржи и Ксению.

Христос с вами, мои душки!

Твой верный друг

Саша.

№ 5

Зимний дворец. С.-Петербург. 12 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Благодарю от всего сердца за твое милейшее письмо, которое я получил сегодня; оно мне доставило огромное удовольствие и было чудным сюрпризом, а в особенности, что ты подумала сделать мне это удовольствие.

Сегодня утром в 11 часов была заупокойная обедня в крепости и я горячо молился вместе с тобой у дорогих могил. Чудная была служба, я так люблю пасхальную службу и «Христос Воскресе» и прочее пасхальное пение. Погода тоже сегодня отличная, ясная и теплая. Пришлось ехать кругом, так как Троицкий мост разведен, а потом развели и Дворцовый. Нева левым берегом почти вся прошла, но против Зимнего дворца лед стоит. Завтракали с Алексеем и Ники.

В 3 часа поехали с Ники в Аничков смотреть всю сибирскую коллекцию вещей, привезенную из его путешествия; она разложена в комнатах бедного В. В. Зиновьева⁵⁸. Оттуда Ники отправился хлыщить, а я заехал к тете Сани⁵⁹, которую застал лежащей в розовой комнате в полутьме на диване, весьма неудобном, с каким-то белым чепчиком на голове. Несмотря на все это, она была очень в духе, много говорила, хотя и жаловалась на здоровье. Потом я поехал домой, и на набережной была такая масса народу и экипажей, как положительно я в Петербурге ничего подобного не видел. Экипажи ехали в два ряда и все время шагом; к счастью, я мог проехать рысью посередине. Пешеходов такое множество, что ни одного пустого места не было, а просто сплошная стена. Я подумал о Ксении, как бы она наслаждалась прохлыщить по набережной в такой день!

В ½5 я пригласил Елену с мужем пить чай, она никогда не видала наших комнат и очень просила показать ей и пришла в такой телячий восторг и от комнат, и от картин, и от идеального вида. Действительно, освещение вечернего солнца и вид Невы были восхитительны. В ½6 уехали, а я поспал. В 7 часов обедали с Ники, Сандро и Сергеем, а в 8¼ они поехали в балет, а я принялся за свои бумаги и 1 часу ночи кончил все и сел писать тебе это письмо, но мало интересного о чем писать. От Владимира получил телеграмму из Шверина, там тоже не тепло: он пишет, что Фридрих и Анастасия⁶⁰ не будут к похоронам⁶¹. Что Фридрих не приезжает — это не удивительно с его здоровьем, но что Анастасия не может потрудиться приехать, это более чем странно.

Миша и Ольга просили пригласить гостей в Гатчину на воскресенье. Владимировичи ночевали там, и Елена Владимировна и Соня Шереметева тоже.

Скучно здесь, в Петербурге, так и тянет обратно в милую Гатчину, так странно мне жить в Зимнем дворце; все кажется, что это в путешествии, и совсем нет чувства, что дома, хотя я очень люблю эти комнаты и они действительно чудные, а все-таки моя маленькая комнатка в Аничкове куда как лучше для меня. Надеюсь, что погода на Военно-Грузинской дороге была хороша и что вы могли любоваться видами гор и в особенности Казбеком. Интересно знать, какое впечатление сделал Кавказ на Ксению и мадемуазель Escail⁶².

Теперь пора кончить, уже прошло 2 часа и пора есть простоквашу и ложиться спать. Еще раз благодарю от всего сердца за милейшее письмо. Целую Ксению и Жоржи и поклон дяде Мише. От всей души обнимаю тебя, моя милая душка Минни! Христос с вами, мои душки!

Твой верный друг Саша.

№ 6

Гатчина. 14 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Вот опять я в нашей милой Гатчине, и ты не можешь себе представить, до чего я рад и как наслаждаюсь вырваться из этого кошмарного Петербурга. Я приехал вчера сюда в 3½ часа; Миша и беби встретили меня на лестнице, и мы сейчас же отправились гулять втроем; я наслаждался, погода отличная, теплая, воздух чистый, и главное — тишина и нет этой несносной городской суеты!

Я пил чай один, а обедал с Черевиным, Кутузовым, Белосельским⁶³ и Озеровым. Ники остался в Петербурге на 3 дня еще и приглашен вчера в Царское Село к гусарам на карусель, а завтра тоже в Царское Село на спектакль любителей в Стрелковом батальоне Императорской Фамилии.

Бедного Гирса⁶⁴ я не мог видеть, он слишком еще слаб, чтобы принимать, но, слава Богу, поправляется, хотя и медленно. Вчера в Петербурге принимали депутацию от французского общества «Друзей России», которые поднесли доску с гербами всей нашей фамилии, отличная работа: серебро с эмалью. Я их пригласил посмотреть парад и потом на большой завтрак, и они были в восторге от всего.

Парад лейб-гренадер перед Зимним дворцом был отличный, были тоже уральские казаки, и Ники был в их форме, малиновом мундире. Большой завтрак был в концертном зале; князь Трубецкой⁶⁵ сидел против меня как обер-гофмаршал, и я ему передал новости о твоём путешествии. Стюрлер⁶⁶, как нарочно, сидел рядом с Глинкой⁶⁷, но был приличен. Из семейства были только Алексей, Николаша⁶⁸, Георгий, Сандро и Ежен⁶⁹. Старички после завтрака обступили меня, чтобы передать их сожаление о твоём отсутствии и что без дам праздник плохой!

Ники обедает сегодня у Черевина, который, кстати, вчера был не в духе и прескучный за обедом, да и все общество небольшое, но прескучное, так что сегодня я воздержался кого-либо приглашать, а была закуска у меня в кабинете, и я ел один. В подобных случаях страшно недостает хотя собаки; все же не так одиноко себя чувствуешь, и я с таким отчаянием вспоминаю моего верного, милого Камчатку, который никогда меня не оставлял и всюду был со мной; никогда не забуду эту чудную и единственную собаку! У меня опять слезы на глазах, вспоминание про Камчатку, ведь это глупо, малодушие, а что же делать — оно все-таки так! Разве из людей у меня есть хоть один бескорыстный друг; нет и быть не может, а пес может быть, и Камчатка был такой.

Сегодня завтракал с Мишей и беби втроем, а потом они были у меня в кабинете и смотрели картинки. Это такая радость и утешение иметь их при себе, и они так милы со мной и вовсе мне не мешают, в 3 часа мы

поехали с Мишей верхом, воспользовавшись отличной погодой, и сделали прогулку в 1½ часа, а потом еще гуляли пешком. Беби принесла мне утром фиалки, они чудно пахнут; как жаль, что ты не можешь ими наслаждаться, да и вообще, что уехала как раз в лучшее время года для Гатчины; и так пусто и грустно без тебя, моя милая душка Минни; я был в твоих комнатах, был в спальне, так все тихо, пусто, помолился перед нашими образами у постели и грустный вернулся к себе!

А у вас теперь радость свидания с милым Жоржи, и воображаю, как вы наслаждаетесь вместе. От всего сердца обнимаю тебя, моя милая душка Минни, и радуюсь искренне за тебя. Христос с вами, мои дорогие.

Твой верный друг Саша.

№ 7

Гатчина. 16 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Как скучно и грустно оставаться так долго без писем от тебя; я до сих пор не получил твоего письма, которое ты послала из Владикавказа. Из телеграмм твоих я вижу, что ты очень довольна Абас-Туманом и что вы весело и приятно проводите время; радуюсь за вас, но грустно не быть вместе там!

Здесь мы живем тихо, скромно, но невесело. Два раза я приглашал к обеду Черевина, Кутузова и Озерова, а раз Белосельского, но обеды эти хуже горькой редьки, и в особенности Черевин невыносимо скучен; я не знаю, что с ним, болеет ли он, или какие неприятности у него, но он ничего не говорит, скучен, руки трясутся так, что насилу может положить из блюда к себе на тарелку, а по временам чистейший рамолик! Я предпочитаю есть у себя в кабинете один и ограничиваюсь холодным блюдом, холодными пирожками и кофе. Шереметев⁷⁰ ни разу не удостоил меня своим присутствием и в Гатчине не показывается. Хорош командир моего конвоя!

Ники все еще в Петербурге, что он делает, не знаю, он ничего не телеграфирует, не пишет и не спрашивал у меня какие-либо известия от тебя. Я должен сознаться, что для меня лично это приятно, так как здесь он скучает, не знает, что делать, а знать, что он останется здесь только по обязанности, и видеть скучающую фигуру для меня не весело, и с маленькими детьми гораздо лучше, и они и я довольны и нам отлично вместе.

Вообще, когда дети подрастают и начинают скучать, дома невесело родителям, да что делать? Так оно в натуре человеческой. Да и Ксения теперь меня вполне игнорирует, я для нее совершенно лишний; разговоров никаких, никогда ничего не спрашивает, ничего не попросит, а я рад был бы так сделать ей удовольствие хоть в чем-нибудь. Напри-

мер, в прошлом году зимою, когда Ники не было, я ездил с нею раза два-три кататься в санях и сказал ей, что если и когда она захочет, чтобы сказала мне и я с удовольствием возьму ее с собой; она ни разу не попросила меня. В эту зиму я надеялся, что она хоть раз сделает мне удовольствие и попросит покататься с ней; нет, я так и не дождался. Наконец, я сам ей предложил раз поехать со мной, но неудачно, так как она должна была поехать с тобой в этот день. Я надеялся, что она мне скажет хоть что-нибудь потом, что ей жаль, что не удалось, и что она попросит меня поехать с ней в другой раз, но не слыхал от нее ни одного слова, как будто я ей ничего не предлагал и ничего не говорил. Меня это очень, очень огорчило, но я не хотел об этом говорить, потому что мне было слишком тяжело, а главное — к чему? Если этого чувства ко мне у нее нет, это, значит, я виноват: не сумел внушить ей доверия и любви ко мне. Если бы я ей сказал об этом, она, может быть, и попросила меня в другой раз поехать с ней, но это шло не от нее самой, и мне было бы еще тяжелее. Кроме того, ты ей позволила ездить, когда она захочет, с Ники, чем она и пользовалась почти каждый день и веселилась очень, так что ездить со мной было невесело и не нужно. Я должен сказать, что постоянно радовался и ждал того времени, когда она подрастет, чтобы с ней кататься, ездить в театр, увеселять ее, но ничего этого нет; я ей не нужен, со мной ей скучно и ничего общего между нами нет, только утром поздороваемся, а вечером — спокойной ночи и все! Умоляю тебя ей ничего об этом не говорить, будет еще хуже, так как будет ненатурально, а для меня еще тяжелее, и окончательно это ее оттолкнет от меня. Я бы ни за что не сказал тебе об этом, да так уж с сердца сорвалось, слишком долго держал в себе, и теперь, так как я один и далеко, невесело мне, все это и вырвалось из груди!

Тоже и Жоржи меня ужасно огорчил за эту зиму, написал только одно письмо, и это еще в ноябре, после Крыма. К моему рождению я не получил ни одной строчки от него, мало того, он пишет тебе одно письмо из Абас-Тумана в самый день 26 февраля⁷¹, говорит, что едет в церковь, и ни одного слова поздравления или пожелания тебе и мне. Все это меня мучило за эту зиму, которая и без того была невеселая, но я не хотел об этом говорить, слишком тяжело было, ну а теперь все равно сорвалось, так уж нечего делать!

Вот из всего этого и выходит, что для меня только утешение и радости от Миши и беби, и дай Бог, чтобы это было всегда и на будущее время, хоть дети мои будут любить своего Папа и будут его утешением и радостью. Но довольно об этих грустных впечатлениях, что раз пропало, того не вернешь!

Получил сегодня твою телеграмму с разными поручениями, постараюсь исполнить, хоть времени немного и прислать все с фельдъегерем в Абас-Туман к именинам Жоржи.

Был я два раза на озере, ловил рыбу, но все еще холодно по ночам и рыбы мало. Завтра собираюсь в первый раз на охоту, до сих пор нельзя было из-за снега и воды.

Теперь пора кончить, прости за это скучное и невеселое письмо. Обнимаю тебя, моя милая душка Минни, от всего сердца.

Поцелуй от меня Жоржи и Ксению, если они меня еще помнят и любят! Христос с вами, мои дорогие.

Твой верный друг *Саша*.

№ 8

Гатчина. 18 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Вчера я получил твое милейшее письмо из Владикавказа, за которое от всей души благодарю, так рад был, наконец, получить его, но шло оно 5 дней, слишком долго.

Вчера, 17 апреля, мы были с Ники в Царском Селе на параде стрелковых батальонов и двух конных батарей. Погода, к счастью, была отличная, и за молебном солнце порядком пекло. После парада смотрел всех новобранцев частей Царскосельского гарнизона, около 1000 человек, и твоих кирасир, отличный народ. Завтрак был, как всегда, в средней зале, и столы были покрыты чудными розами и везде в комнатах тоже, пахло отлично. После завтрака оставались все время на балконе, где курили и разговаривали, и было так тепло, как в комнате, и даже старички нашли, что хорошо.

Из семейства были, кроме Ники, только Алексей, Николаша и Сергей Михайлович во фронте с батареею. Наш милый Александровский дворец был так весел и светел, прелесть, и так опять напомнило мне то счастливое, хорошее, чудное время, когда мы жили в нем тихо, спокойно, не имея еще больших забот и обязанностей. Мне всякий раз делается так невыразимо грустно, и так переношишься в то давно и безвозвратно прошедшее время, но вместе с тем какое-то особенное чувство испытываешь, приятное и успокоительное.

В 3 часа я отправился обратно в Гатчину, а Ники в Петербург на свадьбу гусарского офицера Кириякова. Я гулял с Мишей и беби, катались на новой финляндской лодке, которую я купил на выставке в Вильманстранде, она идет замечательно скоро и легко.

Снег уже сошел совсем, и все озеро чисто, а сегодня уже видна в некоторых местах свежая трава; фиалки цветут отлично и много лиловых цветов. Сегодня день серый, но просто тепло, 15 градусов в тени, и ходить было даже жарко. Ники поехал с утра в Петербург на артиллерийское учение. Завтракали мы с детьми и Николаем Михайловичем (дежурный). Вчера собирались мы с Ники на охоту

на тетеревов, но пошел проливной дождь и шел всю ночь, так что отказались. Сегодня опять хотели ехать, но с 9 часов вечера и до половины первого была сильнейшая гроза с проливным дождем и с ударами грома один за другим без перерыва; я давно не припомню такой сильной грозы, а в особенности так рано, 18 апреля.

Теперь наступила эпоха свадеб: Волкова и Свечиной была на днях; вчера Кириякова и Вельяминовой. На будущей неделе — Кочубея и Белосельской; Карагеоргиевича и Демидовой и кавалергарда Манергейма с Араповой.

У детей Владимира, кажется, начинается краснуха; Андрей⁷² уже в постели, а Елена⁷³ тоже больна; впрочем, это можно было ожидать после болезни их матери. Надеюсь только, что они не завезли краснуху в Гатчину, так как все четверо были здесь в прошлое воскресенье. Владимир и Михень возвращаются из Шверина завтра.

19 апреля. Воскресенье.

Продолжаю письмо сегодня. Были с детьми у обедни, молился за вас троих отсутствующих от всего сердца. Дай Бог, опять нам быть всем вместе и видеть дорогого Жоржи совершенно здоровым между нами, как бывало прежде, о какое было бы это счастье! Поздравляю от души с его рождением и радуюсь за него и за тебя, что проводите этот день вместе; грустно очень не быть с вами в этот день, но уезжать отсюда было мне невозможно, без Гирса и Вышнеградского⁷⁴ дела вести трудно, а тут как раз весьма важные дела набрались, и не знаешь, как быть и что делать. Теперь кончаю, постараюсь писать еще по почте.

Крепко обнимаю тебя, целую тебя, моя милая душка Минни, и детей тоже. Христос с вами, мои дорогие!

Твой верный друг *Саша*.

№ 9

Гатчина. 30 апреля 1892 г.

Моя милая душка Минни!

Еще одно маленькое письмо до твоего возвращения. Сегодня к чаю получил твое милейшее письмо, за которое благодарю от всего сердца, так как рад был читать его и знать, что вы делали за эти дни в Абас-Тумане; это большое утешение получать письма, когда в разлуке!

Что за горе смерть бедного Грессера⁷⁵, не могу свыкнуться с мыслью, что его больше нет, не могу себе представить Петербурга без Грессера. Это огромное несчастье — потерять подобную личность; умный, скромный, распорядительный, честный и спокойный, — где отыскать хоть что-либо ему подобное, и именно подобные люди умирают, а другие остаются!

Вот уже вторая тяжелая, грустная весна. В прошлом году: тетьа Ольга⁷⁶, дядя Низи⁷⁷. Теперь Гирс чуть не умер, Вышнеградский почти что инвалид, болезнь Бунте⁷⁸ и, наконец, смерть бедного Грессера, а кроме того, масса дел и забот. Нет спокойствия ни физического, ни морального, нет больше и ничем насладиться спокойно нельзя, даже природой, да и она у нас на севере подгуляла, собственно говоря, ни одного настоящего теплого дня не было, на солнце хорошо, а в тени все еще холодно. Все скучно и грустно, да, кажется, никогда и не будет иначе; забот с каждым годом будет все больше и больше, а радостей, утешительного все меньше!

Вчера вечером Ники отправился в Петербург ночевать, а сегодня утром выступил с батареей в Красное Село; там завтракал в офицерской артели и к 6 часам вечера приехал в Гатчину очень довольный и походом, и своим новым домом в деревне Михайловке.

Получил ваши телеграммы из Боржома, твою и Жоржи, слава Богу, благополучно проехали. Бедный Жоржи, много думал о нем сегодня, какой грустный для него день разлуки с тобою и Ксенией, а завтра возвращение в пустой Абас-Туман после столь весело и счастливо проведенных дней с вами! Что за горе и испытание послал нам Господь, быть столько времени в разлуке с дорогим сыном, и именно теперь, в его лучшие годы жизни, молодости, веселости, свободы! Как мне его недостает, выразить не могу, да и говорить об этом слишком тяжело, поэтому я и молчу, а в душе ноет постоянно, неутешно! Тяжело, слишком тяжело!

Вижу, что пригрустное письмо вышло, как раз к твоему возвращению, да что же делать. Теперь я много бываю один, поневоле много думаешь, а кругом тебя все невеселые вещи, радости почти никакой! Конечно, огромное утешение дети, только с ними и отдыхаешь морально, наслаждаешься ими и радуешься, глядя на них. Бедный Сергей и Элла⁷⁹, часто о них думаю; на всю жизнь лишены они этого великого утешения в жизни и великого благословения Господня.

Теперь кончаю. Какая радость твое возвращение и с каким нетерпением жду я свидания с вами! Благодарю еще раз от всей души за милейшее письмо и от всего сердца обнимаю тебя, моя милая душка Минни. Крепко целую Ксению. Поклонись всем.

До свидания, моя дорогая! Христос с вами!

Твой верный друг *Саша*.

<...>

